

Приложение к газете "Русская Америка" NY

Январь 2015 года

Литературные Берега

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРИБУНА ПИСАТЕЛЕЙ

СЛОВО-ДУША НАРОДА

К 10-летию Академии российской литературы

Однажды я уже давал интервью "Русской Америке". Было это семь лет назад, в конце 2007 года, и речь в нём шла о молодом Независимом литературном агентстве, родившемся в Москве в годы "перестройки", и о ещё более молодом альманахе "Московский Парнас", его идеях, начинаниях, которые тогда широко подхватывались, обсуждались. По его примеру рождались писательские сообщества, литературные клубы, областные и краевые альманахи, журналы, издательства.

Кто-то, столкнувшись с первыми же непривычными проблемами, - к примеру, безденежьем, апатией читательской публики, тут же сворачивал начинание, казавшееся перспективным, - дело глохло, что-то едва дышало, надеясь на перемену литературной погоды, на внимание властей, что-то уходило глубоко на дно, ожидая лучших времён...

"Московский Парнас" не сдавался, увеличивал число выпусков в год, расширял аудиторию, дерзил сильным мира сего в литературе и политике. Одним словом, был, как ему и положено, независимым.

Самым заметным явлением в те годы был выпуск нами, Независимым литературным агентством, критических очерков о современных литераторах, не дождавшихся внимания к себе "в благополучные времена" - серия из 50-60 книг называлась "Созвездие России". И осуществление ещё одного значительного проекта - многолетнего ежегодного справочника "На пороге XXI-го века". Вот тогда-то, под покровительством старейшины российского писательского цеха - Сергея Владимировича Михалкова, - родилась идея создания общественной Академии российской литературы.

Так уж случилось, что в 90-ые годы прошлого века роль Союза писателей России под натиском европеизированной индустрии развлечений из какое-то время приослабла. Мягко говоря, областные и краевые секретариаты выпустили из рук оперативное управление, превратились в клубы по интересам, в односторонние сродни партиям любителей пива, рассыпались на множество карликовых союзов и союзовиков, требующих для себя портфелей и кабинетов и менее всего умеющих наладить книгоиздание, книжную торговлю, пропаганду культуры письма и слова, перестали заниматься литературным подростком. Может быть, мы раньше других поняли: секрет успеха - в защите профессионального мастерства, а не кресел.

Едва родившись, общественная Академия российской литературы начала с главного: с публикации и широкого обсуждения новинок прозы и поэзии, публицистики и драматур-

гии, критики и сатиры, литературоведения и художественного перевода.

К деятельному участию в работе мы стали привлекать не тех литераторов, кто не умел без должностного портфеля и шага шагнуть, а тех, кто успел состояться и уже был сколько-то известен читателям, и тех, кто знал, что ступает на тропу, где успех даётся лишь адским трудом.

Назову лишь некоторых членов Академии - её сегодняшнюю опору и актив. Вот, скажем, Алексей Яшин из Тулы. Учёный, преподаватель вуза,

опытный литератор, критик и литературовед, публицист и прозаик. Я неоднократно писал об его книгах: в нашей знаменитой серии "Созвездие России" вышел мой очерк о нём - "Тульский энциклопедист".

Яшинское писательское перо так бы и осталось известным, - пусть и широкому кругу тульскому профессорско-преподавательскому составу, если бы мы шли прежним путём и ждали лучших времён. Мы же общими усилиями с руководством тульских вузов создали журнал "Приокские зори", в членах коллегии которого большая группа активистов "Московского Парнаса" - членов его редсовета: лауреат Государственной премии России поэт Валентин Сорокин, известный публицист, доктор наук Ирина Кедрова, крупный прозаик и поэт, юрист Игорь Нехамес, ваш покорный слуга...

Вот другой член правления - известный публицист, редактор газеты "Слово" Виктор Линник.

Речь сегодня идёт о включении в состав правления Академии, скажем, публициста и прозаика Анатолия Белозерцева из Челябинска. Два срока он талантливо руководил Южно-Уральской областной организацией Союза писателей России, сегодня остаётся членом её правления, успешно возглавляя молодой журнал "Звёздный голос". Мы намерены подписать соглашение о сотрудничестве, чтобы вывести это областное издание на всероссийскую, а если удастся, и на европейскую! - орбиту и создать здесь отделение Академии, так как сегодня в Академии уже четверо челябинцев.

Будет отделение Академии на Южном Урале, можно

быть уверенным, что писательское слово пойдёт здесь и в школы и техникумы, училища и вузы.

Такую же большую работу ведут члены нашей Академии в Красноярске и Красноярском крае: Алексей Мещеряков и Тамара Булевич, Виктор Ермаков и Виталий Пшеничников, Зинаида Кузнецова и Сергей Ставер, опираясь на журналы "Енисей" и альманах "Новый Енисейский литератор", они привлекли к активной работе в писательской организации литераторов из Дивногорска и Зеленогорска, где нет пока периодических печатных изданий, а новоявленные писательские сообщества и ассоциации пока не более, чем кружки начинающих прозаиков и поэтов.

Я мог бы ещё долго рассказывать об усилиях, которые проявляет Академия к организации писательского процесса, к укреплению связи пишущей и читающей публики в городах Сургут и Новочеркасск, Геленджик и Краснодар...

Я ничего не рассказываю ещё про укрепление связей Академии с национальными литературами страны. Эта работа весьма трудна, но мы её никог-

да не забывали. И потому в Белоруссии успешно работает критик и литературовед Михаил Кузьмич, в Башкирии - поэт-сатирик Марсель Салим, в Татарстане - поэт Ахмат Каттар, в Мордовии - поэтесса Ордем Гали, в Казахстане - поэтесса Сауле Усенбекова, ...

Не ослабляем и международные контакты и связи. В Болгарии, в Софии и Варне, - несколько ярких прозаиков и поэтов, в Венесуэле - детский писатель Валентина Тархова, в Германии - поэт Валерий Скрагленко, есть кандидаты в члены Академии в Польше, Словакии...

Жизнь - это не только победы и обретения, это всегда и неизбежные потери, утраты. В эти прошедшие годы ушли из жизни наши весьма талантливые деятельные товарищи: прозаики Александр Косякин, Виталий Владимиров, Владимир Мирнев, первый президент; критик Леонид Молчанов, поэты Евгений Антошкин, Наталья Квасникова и другие.

Конечно, главное, чем мы по-настоящему гордимся, это свыше 20 антологий современной отечественной литературы: 12 томов поэзии, 3 тома прозы, по одному тому публицистики, критики и литературоведения, сатиры и юмора, художественного перевода, три тома литературы для детей и подростков... Подготовлен к выходу том драматургии, очередной том художественного перевода, очередной том критики...

Одним словом, о юбилее помни, а о работе не забывай.

Леонид ХАНБЕКОВ.
Президент Академии Российской литературы

Поэт - прозаик - литературовед в одном лице - это то, за что Бог троюбокого любит, это могучий орел уже не двух, а трехглавый! В литературоведении наш герой (Л.В.Ханбеков - авт.) тот же, что и в поэзии, и в прозе, - он ищет солнце в бытовом сумраке жизни и рад, когда находит его, это трудное солнце. Анализируя работы Ханбекова, видишь их четкую, высококрасочную направ-

ленность. Это особенно дорого в годы разгула лжедемократии, когда наглые рожи многих бездарных претендентов в наши руководители небрито пьются на нас со своих оплаченных долларами предвыборных афиш. В противовес им Ханбеков говорит: «Добро, милосердие, сострадание непобедимы. Они прорвутся сквозь любые заслоны...» - это он говорит при анализе стихов, но в этом слышится явственно и его жизненное кредо, исповедь веры.

Многогранность Ханбекова неиссякаема. Он увлеченно работает над переводами

поэзии и прозы. Среди поэтов, чьи стихи он переводит, - и Хусейн Джаубаев из Карачаево-Черкессии, и Рамазан Шагалева из Башкирии, и Павел Торопкин из Мордовии, и Мустафа Искандерзаде из Азербайджана, и Таймураз Тетцоев из Осетии. Ханбеков переводит с якутского повесть Леонида Попова «Кюндэли», с казахского роман Шерхана Муртазаева «Огненная стрела»...

пишет и переводит для детей, он ради них готовит, например, Всероссийское совещание по детской и юношеской литературе в Свердловске в 1972 году. Для них он составил четырехтомник «Сказки народов мира» и издал их в Минске.

Итак, он еще и составитель, и издатель. Кто же Вы, Леонид Ханбеков, - поэт, прозаик, критик, историк, литературовед, публицист, издатель?

"СЕЙТЕ РАЗУМНОЕ, ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ..."

Вспоминая юношескую поездку на Байкал, я снова цитирую Ханбекова:

Большая - не было печали:

Терпелив мальчишечий народ!
Не стояла лодка на причале:

что ни день, он вновь с зарей - в поход.

С зарей - конкретно и вместе с тем - символически. И вот уже на каких-то этапах этого жизненного похода работа в газете, в журнале, в Госкомиздате РСФСР. Он не только

Но ведь мир творчества - не обьятен, душа подлинно человеческая - безбрежна.

Помощь Ханбекова нынешней молодежи и стихами, и раздумьями, и сказками - не сказка, а быть. Его критика псевдогероя современности, пустого выскочки, мозолящего нам взор рекламными афишками в свою честь, - непреодоляема и плодотворна. «Сейте разумное, доброе, вечное» - это было сказано еще до Ханбекова, но это стало и его девизом

Владислав ШОШИН,
поэт, критик, литературовед, доктор философских наук.

ЛЕОНИД ХАНБЕКОВ: СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Кажется, что я всегда был взрослым,
Помню я рыбацкой лодки весла,
неба голубую крутизану
в день, когда из дома улизнул.

Плыли дали,
тихи и безбрежны.
Был старик Байкал,
как нянька, нежен.

Там, где медью плавился закат,
с морем целовались облака.
Вдруг когтистой рысью на Байкал
ветер прыгнул с острых скал.
Силась сбросить зверя со спины,
встали волны, ужаса полны...

Ветер жесткий рвал из рук весло
лодку слепо в море понесло.
Почернел, обуглился закат,
Догорая, тлели облака...

Но, где чёрной лентой берег лёг,
одиноким вспыхнул огонёк.
Он ласкал, подбадривал меня,
мой далёкий крохотный маяк.
Как отец, на весла я налёг,
до рассвета плыл на огонёк.

Стих Байкал -
и берег подо мной
колыхнулся медленной волной.
Я доплыл.
В руках тупая боль.
На ладонях взрослости мозоль.

РОДНАЯ СТОРОНА

Время дни считает неустанно.
В памяти я свято берегу
Маленький таёжный полустанок
На крутом байкальском берегу.

... Жил мальчишка, вечный
непоседа,
Загорелый, в свежих синяках.
И ему уделом были беды -
В шишках лоб, мозоли на руках.

Боль продёт - как не было печали,
Ни забот, ни горя, ни невзгод.
Не стояла лодка на причале:
Что ни день, он вновь с зарей -
в поход.

... Пробежит состав звенящим
утром,
Кинет в горы радостный гудок,
И Байкал заблещет перламутром,
Как разбитой радуги кусок.

За составом вслед мечты летели,
Первые мальчишечьи мечты,
И гудели зимние метели,
И цвели июньские цветы.

Память детства, что тебя дороже?
Там я рос и набирался сил.
Кедр у дома, он меня моложе,
Я в ладошках пить ему носил.

Звёздочкой зажжётся спозаранок
Старый, верный портовой маяк...
Маленький таёжный полустанок -
Родина далёкая моя.

КЕДР

Он на краю обрыва рос один,
Тайги и урагана блудный сын.
И ливни горные,
И снежные валы
Его сломать и сбросить со скалы
Пытались часто,
Только не могли.

И ветер выл,
И дождь хлестал,
И гром из скал
Какая ширь меня качала!
Зловещих молний искры высекал...

А кедр смеялся,
Гордый, полный сил,
И вновь стихии дерзостью бесил.

Стихали бури от пустых тревог,
Ложились ветры, будто псы, у ног,
А он опять с тоской смотрел туда,
где братьев-кедров высилась гряда,
сестёр-берёзок тонкие стволы -
и плакал вдруг слезинками смолы...

Когда путь жизни на удары щедр,
Я вспоминаю тот байкальский кедр.

ОПАСЕНИЕ

Апрели отлетают, торопясь
Шумливым майским
уступают ливням,
И сонный месяц, как озёрный язь,
Плывёт по белотучевым заливам,
Ему легко:

он толст и желтобрюх,
Ему плевать
на критику земную,
На причитанья слёзные старух,
И молодых бахвальщину сквозную.
Он сыт -

и потому невозмутим,
Сыт облаками,
серым небосводом.
Он трезв, ему известны все пути,
Которыми шагнуть за огороды

Сегодня, завтра,
завтра и вчера,
храня своё
верблюжье равнодушие.
... А я страшусь не разглядеть
с утра
Его усталости
и желтобрюшья.

Я - тайга,
И моих рассветов
Не для каждого синь ясна.
Я - тайга,
Моих речек светлых
Не для каждого волна.
Не для каждого непохожесть
Дней моих и ночей моих -
Ведь и мне не всякий прохожий
Доверяет думы свои.

Тех люблю, кто приходит рано,
Но уйти от меня не спешит,
Кто вдыхая мои туманы,
Не скучает в моей глуши.

Я - тайга,
Не нужны мне ласки
И не нужно жестоких рук,
Я люблю, когда без опаски
Сосны водят смолевый круг,
Я люблю, когда ветер носит
Свежесть трепетную осин,
И еще мне по нраву очень,
Если дождь грибной моросит.

Мне от мира не много надо
И себя я в себе таю,
Лишь порой плесну водопадом -
От молчания - устаю.

Я - тайга,
Своих чувств истоки
Берегу я, как сны весны.
Я - тайга,
Не нужны мне жестокие
И слезливые мне не нужны.

Какая ширь меня качала!
Какая даль меня влекла!
Когда я маханул с причала
в стружок рыбацкий весла.

Куском доски я грёб отчаянно.
Дорвался - лучше не зови!

И мог меня сгубить нечаянно
гулявший морем верховик.

Дробилось солнце
с каждым взмахом,
плескала золотом в меня,
и капли падали с рубахи,
о серебро воды звеня!

Теперь всё реже вспыхнет шало
страсть,
что безудержно влекла
рвануть от знакомого причала
пуская стружок мой без весла.

И только думаешь устало:
«Полынья времени река...
...А что за ширь тебя качала!
А что за даль тебя влекла!»

БЕРЕ

Рбятяня,
устав от книжек,
На коньки, на звонкий лёд...
Ну, а нас с тобой на лыжи
Сказка снежная зовёт.

Теремами стынют ели,
Голубые видят сны...
Никакие нам метели
В чаще леса
не страшны!

БЬЮГА

От ворот до ворот
бьюга водит
хоровод.
Влево-вправо, топ-топ!
Влево-вправо, хлоп-хлоп!
Оглянулась,
усмехнулась -
тут сугроб
и там сугроб.

Разгулялась во всю прыть
и давай гудеть и выть:
«Всех могу у-у-у
Заморозить на снегу-у!»
Оглянулась -
щурится:
никого на улице.

Надоело ей кружить,
принялась куделю вить:
из пушинок фюль-фюль,
из снежинок фюль-фюль,
оглянулась - полсела
белой пряжей замела.

Видит, можно отдохнуть,
подремать немножко.
Разве выйдет кто-нибудь
нынче в путь-дорожку?
У опушки прикорнула,
не заметила - уснула.

Мокша. Вечер. У излуки
пересверк луны с рекой.
Опадают звёзды в руки,
словно ясность и покой.

Не об этих ли минутах
мы мечтаем испокон?
И прощение кому-то,
и признание легко.

Тишина. Её законов
напряженная струна.
Для поэтов и влюбленных
как награда - тишина

Словно край земли - излука.
И молчать легко двоим.
Тишина. Её стозвучье
чутким сердцем различим.